

Ю.Н. Давыдов

**О ПОЛЬЗЕ ЧТЕНИЯ СТАРЫХ ПИСЕМ (эпистолярное наследие
М.Вебера. 1906-1908 гг.)**

ДАВЫДОВ Юрий Николаевич — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

В 1990 году в культурной жизни Германии произошло событие, которое мы, россияне, начинаем более или менее адекватно оценивать лишь сегодня — по мере того, как поступают сведения о результатах его воздействия на немецкую социологическую мысль. В рамках Полного собрания сочинений Макса Вебера, издаваемого под редакцией виднейших вебероведов (Хорста Байера, М.Райнера Лепсиуса, Вольфганга Й.Момзена, Вольфганга Шлюхтера и недавно умершего Йоханнеса Винкельманна), вышел объемистый том веберовских писем, написанных в 1906-1908 годах. Тем самым одновременно с томами первой части этого полного собрания началась публикация второй его части, содержащая эпистолярное наследие М.Вебера. Тома второй части также выходят из печати не в нумерически-хронологическом порядке. Первым вышел 5-й том [1], который удалось подготовить к печати ранее 1-го (юношеские письма до 1886 года), 2-го (письма 1887-1894), 3-го (1895-1900) и 4-го (1901-1905). И не успел том выйти из печати, как в Германии стали появляться работы, все более активно использующие его материалы для того, что сегодня мы называем *существенно обновленным толкованием* творчества Вебера.

Примеры такого использования эпистолярного веберовского наследия можно найти в большом (почти 800 с.) сборнике статей, посвященных интерпретации и критике наукоучения Макса Вебера [2]. В этом смысле совсем не случайно обращает на себя внимание статья В.Шлюхтера, имеющего непосредственное отношение к изданию Полного собрания веберовских сочинений и писем (под его редакцией вышел II том первой части) [3;4]. Впрочем, есть и другие впечатляющие примеры введения в научный оборот части эпистолярного наследия М.Вебера, собранной во II / 5-ом томе, — об одном из них речь пойдет ниже. Пока же нам важно отметить, что издание этого тома — событие, результаты которого уже сказываются в западной вебероведческой литературе, хотя нам, россиянам, еще только предстоит его осмыслить.

Мне не хотелось бы занимать внимание читателя общим обзором содержания тома. Ограничусь лишь упоминанием о том, что в нем он найдет письма, адресованные виднейшим немецким философам — Генриху Риккерту (кстати, близкому другу М. Вебера со студенческих лет) и Паулю Наторпу, классикам немецкой социологии — Фердинанду Теннису и Георгу Зиммелю (с которым его связывало достаточно близкое знакомство); крупнейшим немецким экономистам — Вернеру Зомбарту (вместе с которым М.Вебер был в руководстве журналом "Архив социальной науки и социальной политики") и Густаву Шмоллеру; широко мыслящим правоведам — Георгу Еллинеку и Фридриху Науманну; наконец, россиянам Богдану Кистяковскому (снабжавшему М.Вебера неоценимой, по его утверждению, информацией о России) и статистику Ладиславу Борткевичу.

Благодаря веберовским письмам тех лет, представшим как максимально

упорядоченное, а потому вполне обозримое целое (неизбежные "лакуны" если не устранены, то компенсированы косвенными источниками, позволяющими реконструировать содержание утраченных писем), проливается дополнительный свет на ряд известных эпизодов из духовной жизни М.Вебера. Среди них — эпизод так и не состоявшегося приглашения Г.Зиммеля в Хайдельбергский университет (в результате чего М.Вебер заметно охладел к Виндельбанду-человеку, поскольку считал его, пусть косвенно, причастным к негативному решению "зиммелевского вопроса", хотя сохранил к нему уважение как к выдающемуся мыслителю). Эпизоду попыткой М.Вебера "пробить" издание у П.Зибекка, с которым был близко знаком, "главного", как он его назвал, произведения В.С.Соловьева "Национальный вопрос в России". И целый ряд аналогичных эпизодов, которые могли бы стать предметом специального историко-теоретического анализа, высветляющих немаловажные "моменты" движения М.Вебера по пути разработки новой формы социологии — универсально-исторической *культур-социологии*.

Учитывая ограниченные рамки настоящего обзора я хотел бы остановиться лишь на одном, на первый взгляд, вполне "семейном" эпизоде, получившем отражение в веберовских письмах 1907-1908 годов, который, однако, при ближайшем рассмотрении выходит за рамки "психологии семьи" и чреват далеко идущими культурно-теоретическими последствиями. Речь идет об эпизоде, связанном с приглашением (на этот раз состоявшемся) младшего брата Макса Вебера — Альфреда — на работу в Хайдельбергский университет и соавторством братьев в связи с совместным участием в теоретическом обосновании конкретного исследовательского проекта.

Сразу же оговорюсь: если для Макса Вебера этот эпизод был моментом *уже начавшегося* теоретического движения от исторической политэкономии к социологии, понятой в качестве одной из наук о культуре (равноправной среди них, если не "первой среди равных"), то для брата он имел существенно иной смысл. Для него это была, скорее, предыстория, нежели собственно история движения к тому, что он назовет впоследствии своей историей культуры, понятой как культур-социология. Ибо, как свидетельствует В.Шлюхтер в статье "Макс Вебер и Альфред Вебер. Два пути от национальной экономики к культур-социологии" [5] (к которой нам еще предстоит неоднократно обращаться), в это время "у Альфреда Вебера — совсем иначе, чем у Макса, конечно же, не было еще никаких следов культур-социологических начал" [5.S.4]. Более того, если посмотреть первую серьезную монографию, над завершением которой тогда работал А.Вебер [6], то нельзя отделаться от впечатления о господствовавшем в ней духе гипертрофированного сциентизма, побуждавшего автора решать свою (центральную) проблему — территориальное размещение промышленности в Германии последней четверти прошлого века — едва ли не геометрическим способом, заставлявшим вспомнить о Кеплере (и даже Гегеле с его диссертацией "Об орбитах планет"). Здесь-то и проявилась вера А.Вебера в "богоподобие естественных наук", надежду на освобождение от которой М.Вебер выразит в письме матери [1, S.633].

Естественно, встреча двух братьев, шедших столь разными путями, которые одного ввели в область сложнейшей теоретико-методологической проблематики социологии, самоопределявшейся (не без его усилий) на заре XX века в качестве универсально-исторической культур-социологии и, а другого заставляли еще блуждать на отдаленных — весьма отдаленных ! — подступах к ней, не обещала безоблачного сосуществования народной почве Хайдельберга. Как свидетельствует переписка, братья предчувствовали это, хотя каждый пытался справиться с предчувствиями по-своему. Альфред выражал некоторые опасения (очевидно, памятуя о прежних

расхождении с Максом), а старший брат пытался успокоить его, надеясь отделить возможные теоретические разногласия (за которыми проглядывали мировоззренческие, а, стало быть, и этические, контroversы) от того, что он назовет "практическим восприятием жизни" [1, S.382].

Еще 3 сентября 1907 года М.Вебер писал брату, успешно завершавшему в Пражском университете первый этап своей профессорско-преподавательской карьеры, в связи с намечавшимся переездом в Хайдельберг: "Я не хотел бы возвращаться к нашим личным выяснениям отношений, о которых я уже сообщал свое мнение, и только скажу: 1) что *любое* случайное столкновение темпераментов для меня в десять раз *предпочтительнее*, чем, скажем, осторожно осмотнительное обхождение друг с другом; 2) что я уверен, что ты убедишься в том, что ты *слишком* переоцениваешь значимость возможного теоретического различия взглядов (на "кантианство" или тому подобное) для практического восприятия жизни; мы тут, как ты, я полагаю, увидишь, менее "скованы", чем ты — возможно! — мог заключить по впечатлениям от бесед, которые до сих пор все еще имеют лишь случайный характер" [1, S.382].

Сопоставленный с другими письмами М.Вебера, написанными, с одной стороны, брату Альфреду, а с другой — матери (в тот же период), этот фрагмент и послужил отправным пунктом виртуозного по своей тонкости и тщательности исследования Вольфганга Шлюхтера, которое в итоге привело его к весьма

перспективным наблюдениям и выводам. (Вкратце они изложены в недавно написанной им статье под примечательным заголовком "Макс Вебер и Альфред Вебер. Два пути от национальной экономики к социологии культуры" [5].)

Вот второй фрагмент из семейной переписки тех лет, взятый В.Шлюхтером на этот раз из письма матери от 14 августа 1908 года, где, как отмечает автор статьи, отражается "беспокойство", возникшее у М.Вебера после "семейной встречи" с братом, приехавшим в Хайдельберг. "Его (Альфреда — Ю.Д.) "антиморалистские предубеждения сидят в нем, конечно, прочно, а, как нам кажется, в конце концов должны досаждают ему, так как тут решающую роль сыграли австрийские (так сказать, маргинальные, — Ю.Д.) впечатления. И это не стоит воспринимать трагически, даже если — как и здесь, и также в отношении других людей — часто выражается очень страстно. Ведь именно в том-то и выражается, насколько *мало* он мог внутренне освободиться от "категорического императива", относительно которого он верит, что если бы можно было отделаться от него, то жизнь могла бы стать свободнее, и счастливее, и богаче. Меня эти "дезориентированности", которые сегодня ведь так часто встречаются, не беспокоят" [1, S.633-634].

Не будем забывать, что первое письмо из процитированных здесь было адресовано брату, с кем М.Веберу теперь предстояло воссоединиться после длительного периода их совершенно обособленной жизни, которая — и каждый из братьев отчетливо сознавал это — вряд ли могла способствовать их будущему гармоничному сосуществованию. Второе письмо написано матери, которую, судя по всему, беспокоило моральное состояние Альфреда, чье "антикантианство" она давно уже воспринимала не только в аспекте чисто теоретической полемики с принципом "категорического императива". Отсюда и успокоительный тон обоих писем, исполненный надежд на то, что "антикантианство" молодого А.Вебера имеет, скорее, внешний и преходящий, нежели внутренний и фундаментальный характер, да к тому же, скорее, "головной" ("мозговой", как сказал бы А.Белый), нежели душевный и практически-жизненный. Связанная с воздействиями внешней среды ("пражского окружения" брата) "антиморалистическая настроенность" брата, побуждавшая его высказываться против "категорического императива", должна была, согласно приведенным рассуждениям М.Вебера, исчезнуть точно так же, как и возникла: вместе

с переменной обстановки, то есть новым укоренением на почве Хайдельберга.

Однако уже в то время, когда Макс писал своей матери успокоительно-обнадеживающее письмо, между ним и Альфредом разгорался конфликт, убедительно свидетельствующий о том, что разделить теоретические воззрения и практические установки брату так же трудно, как и ему самому, тем более, что для каждого из них именно *теоретическая деятельность* и оказывалась, в конце концов, основной *жизненной практикой*. Как пишет В.Шлюхтер, основываясь на тщательном анализе веберовских писем 1906-1908 годов, "...контроверза между Максом и Альфредом Вебером разгоралась [в тот момент], когда последний подготавливал свой переезд из Праги в Хайдельберг. Медиумом, в каком она (эта контроверза . — Ю.Д.) совершалась, явилось анкетное обследование, запланированное Союзом социальной политики. Для Макса Вебера оно (начиная с самой анкеты — Ю.Д.) представляло собой прежде всего методический интерес — в смысле разработки основных понятий. Он хотел проверить, насколько эффективно использование приемов естественнонаучно ориентированной экспериментальной психологии при объяснении различия результативности трудовых процессов в индустрии и начиная с какого момента следовало бы приступать к объяснению этих вариаций лишь с помощью заключения их в рамку политэкономических, скажем так, теоретико-деятельностных отношений" [5, S.7-8]. В конце концов это был вопрос о том, насколько сильно расходятся "психологический оптимум использования [рабочей] силы и экономический оптимум использования капитала", а, стало быть, какова дивергенция "физиологической и экономической рациональности". В общем — "как велик в действительности раскол¹ между естественнонаучным и политэкономическим способами рассмотрения" [5, S.8].

Любопытно (и символично), что "медиумом" теоретической конфронтации оказалось то самое совместное исследование, идеей которого (впоследствии подвергшейся различным модификациям) Макс Вебер поделился с братом в первом из процитированных нами писем [1, S.382-383], явно надеясь на то, что оно будет лучшим средством от выяснения личных отношений. Между прочим, уже сама тема "серии исследований", которую он намеревался предложить "Обществу социальной политики", надеясь на сотрудничество приезжающего брата, звучала так: "Положение духовного труда в современной крупной промышленности", то есть была рассчитана на "встречу" исследовательских интересов обоих братьев в общей для них точке. Однако этим надеждам не суждено было сбыться: там, где эти интересы действительно встретились, обнаружились теоретические расхождения братьев, которые должны были разводить их все дальше по мере того, как обнажались таившиеся противоречия этико-миро-воззренческого порядка. Посмотрим, однако, как протекал этот процесс и пока повременим с оценкой его результатов.

М.Веберу удалось добиться поддержки своей идеи в "Обществе социальной политики". Для того, чтобы стимулировать интерес будущих сотрудников исследовательского проекта, "Макс Вебер, — пишет В. Шлюхтер, — прежде всего набросал, по-видимому, по договоренности с братом (им предстояло руководить исследованием. — Ю.Д.) памятную записку под названием "К вопросу об отборе и адаптации (выбор профессии и профессиональная судьба) трудящихся консолидированной крупной промышленности"..." [5, S.9]. Этот текст стал предметом далеко не беспристрастных суждений братьев летом 1908 года, то есть уже после того, как Альфред устроился в Хайдельберге" [там же].

Как пишет В.Шлюхтер, ссылаясь на издательский обзор этой памятной записки и введение к ней, которыми открывается 11-й том первой части Полного собрания

¹ Die Kluft— слово, используемое в том же контексте и самим М.Вебером, означает также расселину, ущелье, а иносказательно — пропасть, бездну.

веберовских сочинений и писем [4], записка была замыслена "как предварительный материал для дискуссии о *методике* намечаемого исследования" [5, S.8-9]. И хотя в ходе дискуссии, шедшей главным образом между братьями, Макс Вебер перерабатывал текст памятной записки, они явно не пришли к сближению позиций даже по этому достаточно конкретному "методическому" вопросу (имевшему, однако, и более глубокий социально-философский подтекст). А главное — дискуссию так и не удалось удержать в рамках чистой теории, поскольку Альфред отказался поставить свою подпись под документом, который они, согласно предварительной договоренности, должны были подписать вместе, засвидетельствовав тем самым единство руководителей проекта в вопросе о намеченной методике будущего исследования [5, S.9]. Последнюю точку в деле о неудавшемся соавторстве братьев-социологов поставил М.Вебер. "... Памятную записку" я подписал один и сделал необходимые разъяснения в предварительных замечаниях", — сообщает М.Вебер в письме брату 19 сентября 1908 года [1, S.661]. Это, кстати, *первая* фраза письма.

Хотя общая рамка психологических, этических и мировоззренческих различий и диссонансов, в которую мы поместили взаимоотношения братьев-социологов, и свидетельствует о неслучайности этой неудачи, о *конкретных* теоретических причинах их разногласий приходится строить более или менее правдоподобные гипотезы. Одну из них (вернее, путь к ней) выдвигает В.Шлюхтер, находя "относительно надежное основание" для нее [5, S.9] опять-таки в веберовских письмах. На этот раз он ссылается на письмо М.Вебера психиатру и психологу Хансу Вальтеру Груле (посредничеству которого, кстати, Вебер был обязан личным знакомством с тогда еще молодым философствующим психологом и психопатологом К.Ясперсом) от 13 октября 1908 года, то есть написанное примерно месяц спустя после письма М.Вебера брату, где окончательно засвидетельствован крах идеи их соавторства.

В своем письме Х.В.Груле он просит этого специалиста, обласканного самим Э.Крепелином, окинуть взглядом профессионала его "писанину" профана - корректуру обзора литературы о "психофизике индустриального труда", предназначенного для "Архива социальной науки и социальной политики". *Концептуально*, а отчасти (но *только* отчасти) и по материалу эта работа была связана с памятной запиской, что стала, по выражению В.Шлюхтера, "*медиумом*" теоретической контroversы братьев Веберов, имевшей, как мы убедились, и практические последствия (отказ одного из участников предварительной работы от соавторства). И потому этот новый текст М.Вебера в некоторой степени можно рассматривать как продолжение все той же "контroversы".

О том же, кстати, свидетельствуют и строки письма к Х.В.Груле, отчасти проливающие свет на теоретическую — и все-таки *не только* теоретическую — мотивацию новой работы М.Вебера. "Между нами говоря, — доверительно сообщает М.Вебер, — я сделал ее *также* и для того, чтобы продемонстрировать моему *брату*, с которым мы будем вместе *руководить* анкетным обследованием <...> огромные (быть может, непреодолимые) трудности попытки приблизиться на *этом* пути к проблеме *генетики*" [1, S.675].

Если вспомнить о вере А.Вебера "в богоподобие естественных наук", о чем не без иронии писал матери Макс (правда, выражая при этом надежду на то, что эта вера "расшатается" вместе с незаметной "модификацией" его воззрений, если предоставить им "спокойно развиваться", не пытаясь "влиять на него" [1, S.633]), — то можно предположить, что брат-соавтор придерживался здесь противоположного мнения. И там, где старший брат, давно отделавшийся от сциентистского обожествления естественно-научных методов познания, констатировал непреодолимый разрыв, более

того, "пропасть" между естественнонаучной (в данном случае *"экспериментально-психологической"*) методикой, с одной стороны, и средствами исследования, которые называл *"Нашими"*, имея в виду познавательные приемы создаваемой им новой социологии, — с другой,

А.Вебер, судя по всему, все еще веровал в "матезис универсапис" — познание, в котором ровно столько же науки, сколько в нем математики (вспомним его "чистую теорию" размещения промышленности, изложенную чисто геометрическим способом). Вера, которая в конце концов решала проблему взаимоотношения различных наук (соответственно и методов познания) путем генетически-эволюционного обоснования их иерархического соподчинения на лестнице "универсального знания". То есть фактически "сняла" (едва ли не в гегелевском диалектическом смысле) *проклятый вопрос*, который и толкал М.Вебера по пути развития социологического знания в форме культур-социологии: вопрос о пропасти, разделяющей природу (а стало быть, и естественно-научные способы познания и культуру, а следовательно и гуманитарно-научные способы постижения человека в его культурной — ценностно определенной — ипостаси).

Подведем некоторые итоги. Посмотрим, что же могут нам предложить письма М.Вебера за 1906 —1908 годы сточки зрения продвижения немецкой социологии первого десятилетия нашего века (персонифицируемой в данном случае братьями Веберами) к ее самоопределению в качестве культур-социологии?

Во-первых, новые свидетельства "кантианства" М.Вебера, определившие его подход к человеку как нравственно обусловленной личности, самосознающему индивиду, действующему в здравом уме и твердой памяти и нравственно ответственному за свои поступки. Отсюда — особенности "социологического номинализма" М.Вебера, побуждавшего его рассматривать индивидуальные человеческие действия как исходную ("архимедову") точку социологии и ее последнюю реальность.

Во-вторых, именно в русле такого рода "социологического номинализма" для М.Вебера особенно заострилась проблема "специфически человеческого" в отличие от "чисто природного" (включая и проблему различения этих двух начал в самом индивиде), которая была артикулирована им в ходе занятий "психофизикой индустриального труда" как *гетерогенность* естественнонаучного и "теоретико-деятельностного" подходов к изучению человека.

В-третьих, именно исходя из этой гетерогенности двух теоретико-методологических подходов к человеку и безуспешных попыток заполнить "бездну", их разделявшую, М.Вебер углубляет идею (унаследованную им от немецкой исторической политэкономии) истолкования "национальной экономики" как науки о культуре — как одной из таких наук, располагающих своим собственным — теоретико-деятельностным — методом.

В-четвертых, это был путь, который вел М.Вебера — через теоретико-деятельностно переосмысленную историческую политэкономия — к социологии как одной из наук о культуре: "культур-социологии — слово, которое А.Вебер (более чем через 10 лет после смерти брата) сделает ключевым — и "заглавным" — в построенной на антикантианских началах своей версии культур-социологии.

В-пятых, на том этапе нового самоопределения немецкой (как оказалось впоследствии, и не только немецкой) социологии в XX веке, который получил отражение в письмах М.Вебера за 1906-1908 годы, А.Вебер находился вне этого движения, в значительной степени инициированного братом. Впрочем, как свидетельствуют те же письма, — не им одним; и *в этом смысле* роль Альфреда для Макса была скорее негативной, чем позитивной: он олицетворял тот самый

"сциентизм" (как обожествление естественных наук), который, согласно М.Веберу, обнаруживал свою несостоятельность именно перед лицом проблемы "специфически человеческого". Вот почему поворот к культур-социологической проблематике, начавшийся в научном развитии А.Вебера спустя несколько лет после споров с братом (отголоски их мы встречаем в письмах 1907-1908 годов), производит впечатление "скачка" (В.Шлюхтер), или даже "катастрофы" (если воспользоваться термином Ж.Кювье). И этим его путь к культур-социологии также весьма существенно отличается от последовательного движения брата — что, кстати, не могло не найти своего отражения и в сложности будущего культур-социологического построения А.Вебера, изобиловавшего много численными "эпициклами". Впрочем, это тема иной статьи, не "обзорной".

В нашу задачу не входило освещение дальнейшей эволюции "семейно-научных" взаимоотношений братьев Веберов, хотя она в высшей степени интересна с точки зрения "генетики" двух вариантов теоретической социологии, самоопределяющейся в структуре "наук о культуре", более того, с самого начала претендовавшей на лидирующую роль. Но точно также не было нашей задачей и специальное изложение толкования В.Шлюхтером *противоположности* этих двух тенденций развития *культур-социологии* — как *новой формы* развития социологического знания, *специфической* именно для нашего столетия. Хотя этот сюжет столь же увлекателен, сколь и значим теоретически. Цель, которую мы преследовали в рамках этого обзорно-информационного материала, более ограниченная: показать, что может дать внимательное чтение веберовских писем, собранных в рецензируемом томе. Статья В.Шлюхтера (точнее, ее часть, построенная на скрупулезном анализе писем М.Вебера за 1906-1908 годы — время, когда началось теоретическое оформление индивидуально-психологических отношений двух братьев) — это наглядный пример эффективности такого рода использования веберовского эпистолярного наследия, которое лишь постепенно предстает перед широкой научной общественностью в своей эвристически значимой упорядоченности.

Впрочем, дело не только в этом. Не менее важно и то, что пример дает один из признанных лидеров "веберовского ренессанса", черпающего новые импульсы для своего дальнейшего углубления, в частности, и в новом прочтении эпистолярного наследия М.Вебера, систематически-целостном его рассмотрении. Сам же этот пример еще раз подтверждает неслучайность того, что "веберовский ренессанс" в Германии "разрешился" изданием многотомного собрания сочинений, каждый из томов которого раскрывает новый аспект многогранного творчества М.Вебера. Благодаря такого рода изданию "веберовский ренессанс" подтверждает свою непреходящую значимость как в высшей степени плодотворный феномен культуры — не только немецкой, но и мировой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Max Weber-Gesamtausgabe. Abteilung II / Band 5 (Briefe 1906-1908). Hrsg. von M.R.Lepsius und W.J.Mommsenin Zusammenarbeit mit Brigit Rudhrad und Manfred Schon, Tubingen, 1990 (далее: MWG 11 / 5).
2. Max Webers Wissenschaftslehre. Interpretation und Kritik. Hrsg. G.Wagner und H.Zipprian. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1994.
3. Frommer S. Besude zu experimenteller Psychologie, Psychiatrie und Psychopathologie in Max Webers methodologischen Schriften // Max Webers Wissenschaftslehre. Interpretation und Kritik.
4. Max Weber-Gesamtausgabe. Abteilung I / Band 11: Zur Psychophysik der

industrieller Arbeit. Schriften und Redden 1908-1912. Hrsg. von Wolfgang Schluchter in Zusammenhang mit Sabine Frommer. Tübingen, 1994.

5. Schluchter W. Max Weber und Alfred Weber. Zwei Wege von der Nationalökonomie zur Kulturosoziologie. (Копия статьи, подготовленной к печати, была любезно прислана мне автором. — Ю.Д)

6. Weber A. Über den Standort der Industrien, Teil 1. Reine Theorie des Standorts. Tübingen, 1909.